

Kuban Social and Economic Institute, Krasnodar, Russia
E-mail: svbogatiireva@gmail.com

This article examines the impact of culture and national values on the development of inter-ethnic communication

Keywords: culture, national values, cross-cultural communication, international relations

Л. А. Нагоева*, Д. Р. Лакунова**

ПРОБЛЕМА АШУЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается комплекс культуuroобразующих факторов, выраженных в археологических памятниках ашуйских народов, связанных единой территориальной, языковой и этнокультурной общностью.

Ключевые слова: ашуйская культура, этнокультурная общность, ашуйская письменность.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что диагностическим признаком цивилизации является ряд культурных достижений, центральное место которых занимает письменность или попытка ее создания. Этому сопутствуют значительные перемены в социальной структуре: оформляется иерархия сословий; регулятором общественной жизни становится власть вождя (царя) и института жрецов. Перечисленные явления оставляют след в материальной культуре, а, следовательно, могут быть зафиксированы в археологических памятниках. Так, характерным внешним выражением перехода к цивилизации является появление города (на базе даже одной территориальной общины), а в нем – дворцов или храмов; разнообразных строений, связанных с разными их функциями, специализированных мастерских, свидетельствующих о выделении некоторых ремесел, и, наконец, письменности, без которой нет цивилизации.

Таким образом, древняя цивилизация – эта культура хорошо структурированного общества, овладевшего письменностью.

* НАГОЕВА Лаура Альбердовна, аспирант кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: shau24@email.ru.

** ЛАКУНОВА Диана Руслановна, аспирант кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: anvaza86@gmail.com.

Рассмотрим, какие из данных признаков проявляются в археологических памятниках так называемой «ашуйской культуры».

Прошлое абхазо-адыгского этнокультурного мира уходит корнями в глубокую древность и самым тесным образом взаимосвязано с историей средиземноморско-черноморских (средиземноморско-понтийских) цивилизаций. Проблема автохтонности абхазо-адыгов относительно территории северо-восточного сектора Черного моря, а также анатолийского побережья, разрешена в ряде фундаментальных работ последних двух столетий. Археологический материал, найденный в XX в., позволяет говорить о наличии письменности у данных народов, по крайней мере, о попытке создания собственного алфавита на основе некоторых конвенциональных знаков.

Первыми памятниками ашуйской письменности можно считать Петроглифы Махошкушха – знаки (гравированные рисунки) на галечных камнях (90 штук), открытые адыгейским археологом П. У. Аутлевым в 1983 г. в нескольких километрах от столицы Адыгеи Майкопа. Данные петроглифы считаются в научной литературе нерасшифрованными и относятся к типу «Азильские гальки» (Азильская культура). Археологи датируют находки предположительно IX–VIII тыс. до н. э.

По существующим данным, письменность у далеких предков абхазо-адыгов функционировала на уровне жрецов и, как минимум, несколько раз возрождалась. По крайней мере, упомянутые пиктографические знаки на галечных камнях Махошкушха, датируемые IX тыс. до н. э., знаки письменности на Майкопской плите, относящиеся к II тыс. до н. э., аквинская (сухумская) строительная надпись конца I тыс. до н. э. и родовые знаки (тауры-тамги) адыгов, абазин, абхазов и убыхов, не забытые и в наше время, имеют явно единую графическую основу.

Кроме Кавказа эта графическая основа представлена в культурах доиндоевропейских средиземноморских народов, генетическое родство которых с прасеверокавказскими народами убедительно сформулировано многими видными учеными-лингвистами, этнографами и археологами. К этим народам относятся современные баски, сарды, корсиканцы и древние народы Малой Азии (Анатолии), Северного и Восточного Средиземноморья и циркум-понтийской зоны бронзового века (хатты, хурриты, тиррены, лигуры, этруски).

Кроме древнейших махошкушхинских и майкопских находок о наличии письменности свидетельствуют и таблички, найденные в местах проживания синдо-меотских племен (в частно-

сти на Кубани), датируемые I в. до н.э. Исследования специалистов показали, что у древних синдов в период военной демократии появилась своя, пусть и во многом примитивная, письменность. Специалист по Древней Синдике Ю. С. Крушкол отмечает, что трудно отказаться от предположения, что знаки на плитках являются зародышем письменности. Определенное сходство этих плиток с глиняными, тоже не обожженными, табличками с ассирийско-вавилонскими текстами подтверждает, что они также являются памятниками письменности [3, с. 72–76].

Одним из интересных явлений в истории абхазо-адыгского народа является наличие родовых тамг, имевших наиболее широкое распространение с XVI по XX в. н.э. Это знаки, выполнявшие самые разнообразные функции: от элементарного знака собственности, наносимого на вещи или тело животного, до фамильного герба [6]. Многие исследователи (Р. И. Даур, Х. Яхтанигов, П. У. Аутлев) приходили к мысли, что есть веские основания считать родовые знаки не новым явлением в традиционной культуре XVI в. абхазо-адыгов, а остатками древнейшей письменности, знаки которой археологически и этнографически прослеживаются с IX тыс. до н. э. и не утрачены в современном мире. Просто на различных исторических этапах эта знаковая система имела различный культурный контекст и функционировала либо как система магических знаков, либо как пиктографическая и силлабическая письменность, либо как орнаментика и родовые знаки. Тамги как фамильные гербы появились на позднем этапе развития знаковой системы. Современными авторами на основе древнейших абхазо-адыгских знаков, восходящих к хаттским знакам и семиотики родовых тамг, были составлены мифо-эпические алфавиты, предлагавшиеся для служения языку национальной мифологии, нартского эпоса, легенд, преданий, сказок и всей традиционной культуре абхазо-адыгских народов [2]. Некоторые из этих знаков обнаруживаются и в исследуемых ашуйских текстах, что говорит об их более широком семиотическом содержательном аспекте, чем просто как знаков собственности или фамильных знаков.

Из всех найденных письменных памятников наиболее изученными являются таблички Майкопского периода, занимающие центральное место в данном исследовании, так как именно они позволили ученым с большей вероятностью говорить о существовании ашуйской цивилизации.

В III тыс. до н.э. эта цивилизация, по совокупности данных, простиралась от побережья Черного моря на юге до нынешнего

Майкопа на севере и выходила за пределы рек Кубани на северо-западе и Фазиса (Риона) на юго-востоке. На протяжении нескольких тысячелетий она воплощалась в разных археологических культурах, среди которых майкопская являлась одной из древнейших известных, но далеко не первой, по мнению исследователей, археологической культурой.

Одни исследователи находят истоки майкопской культуры в Месопотамии (В. А. Городцов), другие видят аналогии майкопских древностей в хеттском искусстве (Б. В. Фармаковский), где хаттские элементы были доминирующими.

Но не все авторы придерживаются мнения о заимствовании майкопской культуры, придавая решающее значение факторам внутреннего развития. Основания к таким выводам дают несколько бронзовых предметов (котлы из листовой бронзы, топоры-тесла, проушные топоры и др.), которые изготавливались на месте. Например, Г. Ф. Турчанинов, анализируя памятники майкопского кургана, выявляет самобытную, а не привнесенную извне культуру. Расшифровывая росписи на одном из искусно гравированных серебряных сосудов кургана, ученый пришел к выводу, что изготавливал их ашуйский мастер садз Гяч сын Хуа [5]. Как видно из раскопок, в частности, Майкопского кургана, уже в III тыс. до н.э., а возможно и раньше, ашуйцы умели добывать и обрабатывать золото, серебро и прочие металлы, изготавливать из них различные украшения.

Помимо украшений, ашуйские цари чеканили из золота монеты. Это подтверждает найденная при археологических раскопках монета, которая была сделана в период правления царя Саулаха (II в. до н. э.), достоинством «ахьяақы» (совр. абаз. ахьызакӀы) – «один золотой».

На основании исследований следует отметить, что ашуйская культура, как и многие другие, развивалась открыто, впитывая в себя достижения более развитых культурных центров, что в итоге и явилось причиной непонятного исследователям столь интенсивного культурно-исторического прогресса. С другой стороны, заимствования не воспринимались пассивно, а творчески преобразовываясь, приобретая местные, самобытные черты. Однако не следует преувеличивать роль «пришлого» элемента, так как археологические данные, приведенные выше, констатируют преемственность культуры с местными памятниками и находками предыдущих эпох – от палеолита до бронзового века.

Майкопская культура представлена не только курганами, но и бытовыми памятниками-поселениями. Изучены они были

в конце 50-60-х гг. в основном на территории Краснодарского края по течению рек Белой и Фарса южнее г. Майкопа (Мешоко, Скала, Хаджок и др.). Раскопки поселений позволяют судить о хозяйстве майкопских племен, об их занятиях. Скотоводство и земледелие были основными производящими отраслями хозяйства, являясь экономической основой майкопской раннебронзовой культуры. Найденные в майкопских курганах бронзовые псалии говорят еще об одном культурном достижении этого периода – одомашнивании лошади, которая уже использовалась для верховой езды. Таким образом, наряду с Передней и Средней Азией, Северный Кавказ может войти в число регионов, где впервые был одомашнен конь.

Другим важнейшим приобретением майкопских племен была цветная металлургия и металлообработка. Об этом свидетельствует разнообразие металлических изделий и частота их находок в памятниках. В период бытования майкопской культуры были освоены многие сложные процессы металлообработки, впоследствии достигшие высокой степени развития.

Одним из вопросов, который ставит культура майкопского кургана, является вопрос о социальном и государственном устройстве древней Ашуи.

Памятники ашуйской письменности дают основание говорить, что общественно-экономическая ступень на которой находилась древняя Ашуя, классифицируется как архаическая формация, которая характеризуется деспотиями и азиатским способом производства. Деспотизм зиждился на рабском труде.

Еще одним интересным моментом в изучении ашуйской культуры является вопрос о своеобразности искусства, представленного в курганах, его истоках и тенденциях развития.

Н. Г. Ловпаче, изучив металлопластику Майкопа эпохи раннего металла, приходит к выводу, что многочисленные изображения животных – кругло-скульптурные фигуры бычков штандартов, плоскорельефные бляшки с изображением бычков и львов из золота, гравировано-графические фигуры быков, львов, тарпана, козла, барана, собак и птиц двух серебряных сосудов – показывают черты зрелого, вполне сформировавшегося звериного стиля. Изображения человека на этих памятниках отсутствуют, что характерно для искусства Северного Кавказа с древнейших времен. Отсутствие подобной пластики в памятниках Передней Азии, современных Майкопскому кургану, и, наоборот, наличие звериного стиля в пластике других памятников майкопской культуры говорят о том, что звериный стиль

сформировался непосредственно в недрах ашуйской культуры и уже зрело выразился в памятниках майкопской культуры.

Некоторые аналогии имеются в художественной металлопластике царских гробниц Ура, которые обычно датируются 2800–2600 гг. до н. э., т. е. уступают в древности Майкопскому кургану [4, с. 7]. Гравированно-графические примеры Ура хорошо согласуются с графической стилизацией реалистической скульптуры на серебряных сосудах майкопского кургана, осуществленных ашуйским торевтом садзом Гячем сыном Хуа (в прочтении Г. Ф. Турчанинова). Следующим памятником, где наблюдается звериный стиль в металлопластике, является Аладж-гуюк. На дне двух золотых сосудов анатолийского происхождения поставлены четырехлучевая и пятилучевая свастики. В дальнейшем пятилучевая звездочка свастикообразного типа проявляется в металлопластике Кавказа неоднократно [7, с. 6, 7, 40, 45].

В аспекте вышеизложенного важно исследование Н. Г. Ловпаче предлагающего рассмотреть пятилучевую звезду не только как солярный символ, но и, главное, как герб или профессиональное клеймо ювелира. Несмотря на огромный временный перерыв, объясняющийся неизученностью материала, пятилучевая свастика встречена на бронзовых поясах Центрального Закавказья. Судя по расположению этих пятилучевых свастик преимущественно в нижней части пояса, а солярных символов (восьмилучевых, шестилучевых звездочек, крестов в круге, мальтийских крестов и пр.) – в верхней, первые несли коммуникативную функцию [4, с. 8]. Если они не означали индивидуальное клеймо кузнеца-литейщика-ювелира, то показывали род потомственных «тыжьбинащъэ» («среброделов» – адыг.).

Судя по многочисленным стилистическим признакам хеттского искусства в металлопластике Закавказья и Северного Кавказа, Н. Г. Ловпаче предполагает, что род ювелиров, творивший в последней четверти III тысячелетия в г. Аринне (Аладжа-гуюк), к концу бронзового века перемещается в Закавказье, затем перебирается на Северный Кавказ, во владение племен касков, обитавших вокруг города Айя (в прочтении Г. Ф. Турчанинова) или Маэ (в прочтении Н. Г. Ловпаче) – нынешнего Майкопа.

Следы творческой деятельности ювелиров обнаружены на золотых обкладках ножен меча и особенно, обкладке рукояти топорика типа секиры из Келермесского кургана №1, что в 15 км. от Майкопа. Этот памятник датируется концом VII в. до н.э. Его материалы позволили Н. Г. Ловпаче выделить один знак,

ранее не замеченный российскими археологами и искусствоведами. На золотой обкладке ножен меча вычеканен фриз, изображающий шествие восьми фантастических зверей в направлении слева направо. У всех зверей крыло в форме рыбы. Здесь изображены четыре грифона, стреляющих из лука, козерог, быкорог и да барана с кошачьими лапами и скорпионьими хвостами. На задних ляжках грифонов и козерога отчеканен знак в виде «зора», повернутого на девяносто градусов. Необходимо заметить, что на каменных скульптурах львов конца VIII в., середины VII в. до н. э. из Зинджирли, Сакчегецю, Тель-Халафа, Тель-Тайната, также на задних ляжках изображена фигура, подобная знаку «зора» [7, с. 106, 108, 111, 123, 124, 126, 149]. Ловпаче объясняет этот факт тем, что скульптор-анималист из южно-анатолийской мастерской исполнил рельефы в технике чеканки по золоту на ножнах келермесского меча и пометил их тамгой своего рода.

Последний сигнал о творчестве златокузнецов с тамгой в виде пятиконечной звездочки замечен на золотом фаларе (украшении конской сбруи в виде диска) II в. до н. э. из кургана Костахабля (ст. Северская). На фаларе изображена сцена с Дионисом-Загреем-Сабазием. Тамга в виде пятиконечной звездочки, вписанной в окружность, трижды отчеканена на туловище змея. На другом конце фигуры змея дважды отчеканена семилучевая свастика закругленно центробежного варианта. Здесь древняя хеттская (хаттская) тамга разлагается на два символа: один показывает пятерицу звезд, другой – вращающееся солнце с семеркой изобилия.

Таким образом, род потомственных ювелиров, творчество которых начинается в конце ранней бронзы в хаттском обществе Анатолии, продолжается в эпоху раннего железа на Кавказе. Для выяснения имени или рода ювелиров Н. Г. Ловпаче обращается к абхазо-адыгским тамгам, при этом учитывая, что тамговая система абхазо-адыгов восходит к хеттской иероглифике. Из всех адыгских тамг найдена единственная тамга кабардинской фамилии в виде пятиконечной звездочки с кружком в центре. Эта тамга ближе всего к знакам келермесской секиры, о которой упоминалось выше. Носители этого герба – кабардинцы Дурдымовы (Дурдым). Созвучное имя находится в нартском эпосе – имя легендарного Худыма (Хъудымышъа), нартского кузнеца, старшего коллеги бога-кузнеца Тлепша. У хеттов же кузнец назывался Дим-Дим (Dim-Dim) – звукоподражательное [1, с. 242]. Вторая тамга из келермесских находок отыскивает-

ся среди абазинских фамильных знаков. Тамга абазин Маджа в таком же перевернутом положении «зора», как и на ножнах келермесского акинака, но как будто в виде штандарта водружена на стержень [6, с. 168]. Таким образом, можно сделать вывод, что звериный стиль, зародившись в ашуйской среде эпохи энеолита, в период ранней бронзы посредством миграции и с участием малоазийских хаттов распространился в передней Азии и был ярко выражен в культуре Аладжа-гуюк. Первые памятники творчества древнейших хаттских ювелиров находятся в культуре Чатал-Хуюк, затем посредством миграций хаттского рода их тамга оказывается на памятниках Северного Кавказа, откуда спустя два тысячелетия уже посредством ашуйского рода ювелиров Дурдым попадает обратно в Анатолию, в Аладж-гуюк. В VIII–VII вв. до н. э. этот род возвращается на Северный Кавказ через Закавказье, неся с собой черты стиля Зинджирли. Благодаря этому импульсу из Анатолии в Керкетии раннеэоического периода наблюдается второй расцвет искусства металлопластики [4].

Таким образом, из общепринятых признаков цивилизационного уровня древних культур в ашуйской культуре на основе археологического материала отразились: наличие классовой структуры общества, о чем красноречиво говорят раскопанные курганы (Майкопский курган, поселение Мешоко), убранство которых отражает социальную и имущественную иерархию ашуйского общества; наличие письменности, имевшей двойственный характер: сакральной, знаки которой имели устойчивый вид на протяжении длительного времени), и светской, с прогрессирующими знаками. Двойственность письма говорит о возможном наличии института жречества, использующего ее для отправления религиозных обрядов; наличие ряда культурообразующих факторов и достижений: религиозное сознание и связанные с ним погребальные сооружения (курганы, дольмены); наличие самосознания и самовыделения из окружающих народов с помощью термина «Ашуа», «люди Ашу», бытующего и в современной устной традиции абхазо-адыгов; применение цветной металлургии и металлообработки в производстве, о чем свидетельствует разнообразие металлических изделий и частота их находок в памятниках; наличие земледелия и скотоводства, заимствованных с Малой Азии; одомашнение лошади, о чем свидетельствуют найденные в курганах атрибуты конского снаряжения (бронзовые псалии). Вышеперечисленные факторы являются весомым основанием для определения этно-

культурной общности ашуйской культуры с признаками цивилизационного уровня.

Использованная литература:

1. Гиоргадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 238–261.

2. Даур Р. И. Черкесская каллиграфия. Мифо-эпические алфавиты. Нальчик, 2011.

3. Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: Просвещение, 1971.

4. Ловпаче Н. Г. Древние культурные связи Анатолии и Кавказской Черкессии (Майкопа) [Электронный ресурс] // Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. Материалы отдела археологии. URL: <http://arigi.adygnet.ru/archeo/book5.pdf> (дата обращения: 08.12.13).

5. Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. М.: Ин-т языкознания РАН, 1999.

6. Яхтанигов Х. Х. Северокавказские тамги. Нальчик: Лейтер-ибн-Марат, 1993.

7. Akurgal E. Hatti Ve Hitit Uygarliklari. Istanbul: Published by Yasar Egitim ve Kultur Vakfi, 1995.

THE PROBLEMS OF THE ASHUY-CULTURE IN THE SYSTEM OF MODERN CAUCASIOLOGY

NAGOEVA Laura A.,

Post-Graduate Student, Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik Russia

E-mail: shau24@email.ru

LAKUNOVA Diana R.,

Post-Graduate Student, Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik Russia

E-mail: anzva86@gmail.com

The article discusses the complex of culture-forming factors expressed in the archaeological sites of Ashuy-nations bound single territorial, linguistic and ethno-cultural communities.

Keywords: *Ashuy-culture, ethno-cultural community, Ashuy-writings.*